

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 83–97. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 398.3(=512.111)

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-83-97

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЧУВАШСКИХ ПОВЕРИЙ

*Алексей Петрович Леонтьев*¹

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
кандидат исторических наук, научный сотрудник
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Леонтьев А.П., 2023

Аннотация: Данная статья является частью исследования, посвященного чувашским *ёненÿ(-сем)* 'поверьям' – паремиологическому жанру. Наряду с пословицами и поговорками, загадками, народными приметам о погоде, образцы поверий (или примет-суеверий – преданий, основанных на суеверных представлениях) предоставлялись сотнями информантов собирателям текстов устного народного творчества. Они нашли достойное место в рукописных фондах родоначальников чувашской научной фольклористики: Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, К.В. Элле и др. Поверья, хотя и являются важной частью культуры и истории народа, в советский период оставались вне исследований фольклористов: их не включали в сборники чувашской народной словесности, не было даже попыток их классификации. Между тем дидактические поверья воспитывают нравственные, эстетические, трудовые качества у молодежи, большинство из них основаны на жизненном опыте, они служат для предупреждения неблагоприятных воздействий на человека, в поверьях, как правило, скрыт глубокий смысл. Цель статьи – продемонстрировать через ретроспекцию изучения жанра его значимость в чувашском паремиологическом ряду. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: конкретизировать понятие *ёненÿ* 'поверье', изложить сведения об особенностях жанра, первых публикациях о чувашских поверьях и их систематизации, предложить свою классификацию поверий. Среди образцов поверий в отдельный раздел впервые выделены рассказы-поверья.

Ключевые слова: малый жанр, чувашские поверья, рукописные фонды, первые публикации, попытки систематизации поверий, классификация, чувашский язык.

Для цитирования: *Леонтьев А.П.* К вопросу о классификации чувашских поверий // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 83–97. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-83-97.

On the classification of Chuvash beliefs

*Alexey Petrovich Leontiev*¹

¹ Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Ph.D. in History, Researcher

e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© IL RAS, 2023

© Leontiev A.P., 2023

Abstract: This article is part of a study devoted to the Chuvash *ĕnenŭ*(-sem) 'belief(-s)' – a paremiological genre. Along with proverbs and sayings, riddles, folk weather signs, samples of beliefs (signs-superstitions – legends based on superstitious beliefs) were provided by hundreds of correspondents to collectors of texts of oral folk art. They have found a worthy place in the manuscript collections of the founders of Chuvash scientific folklore: N.I. Ashmarin, N.V. Nikol'sky, G.I. Komissarov, K.V. Elle and others. Although beliefs are an important part of the culture and history of the people, in the Soviet period they remained outside the research of folklorists: they were not included in the collections of Chuvash folk literature, there were not even attempts to classify them. Meanwhile, didactic beliefs do foster moral, aesthetic, and labour qualities among the young people, most of them are based on deeds, experience and observations, they serve to prevent adverse effects on a person, and beliefs, as a rule, have a deep meaning. The purpose of the article is to demonstrate through a retrospective study of the genre its significance in the Chuvash paremiological series. To achieve this goal, the following tasks have been formulated: to concretize the concept of 'belief', to tell about the features of the genre, and about the first publications on Chuvash beliefs and their systematization, to offer a new classification of the beliefs. Among the samples of beliefs, the stories-beliefs have been separated into a separate group for the first time.

Key words: small genre, Chuvash beliefs, manuscript collections, first publications, attempts to systematize beliefs, classification, Chuvash language.

For citation: *Leontiev A.P.* On the classification of Chuvash beliefs // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 83–97. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-83-97.

Введение

О термине *ĕненŭ* 'поверье'. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью продолжить решение проблематики определения границ жанров в чувашской фольклористике, в первую очередь, так называемых малых жанров народной прозы, и на этом фундаменте приступить к научной классификации *ĕненŭ* 'поверье'. В любой науке классификация является результатом очень длительного и детализированного предварительного исследования [Пропп 1998: 4], и здесь прежде всего необходимо определиться с семантикой жанра.

Поверья – паремические выражения, представляющие собой один из архаических жанров словесности и имеющие явно выраженные мифологические истоки. Например: *Кайăк пŭрте вёҫсе кёрсен ҫав пŭртре виле пулать теҫҫё* 'Если птица залетела в дом – в этом доме человек умрет' [НА ЧГИГН I: 650]. У многих народов залетевшая в дом птица является вестницей каких-либо событий, а поверья, связанные с птицами, – отголосками мифических представлений.

Человек еще до своего рождения оказывается в тенетах всяких примет: *Ачан ĕнси хыҫёнче сŭҫё ҫитленё пек хёреслё тăрсан тепёр ача хёр пулать теҫҫё* 'Если

у ребенка волосы на затылке косичкой – следующий ребенок будет девочкой’ [НА ЧГИГН I: 396]. Поверья о новорожденных, и вообще о детях, в чувашском фольклоре составляют наиболее многочисленную группу. Поверья начинают предсказывать будущее человека еще до его появления на свет, сопровождают его всю жизнь и даже после его кончины продолжают свою «деятельность».

Поверья (как и табу и сны) по композиции (в основном двучленные) близки к пословицам и поговоркам, однако по художественному своеобразием от них в корне отличаются. Если в пословицах и поговорках преобладают иносказание, метафоры, метонимии, например: *Хёр ёмёрё хёлёхрен кёске* ‘Девичий век короче конского волоса’ [НА ЧГИГН III: 311: 1019], то в поверьях, как правило, доминирует прямое высказывание, например: *Пёрмай кулни – куьсуле* ‘Постоянный смех – к слезам’ [НА ЧГИГН III: 349: 22].

В поверьях человек практически не действует, а только наблюдает (созерцает) происходящее вокруг него или с ним самим. Наличие у человека информации, зафиксированной в поверьях, никак не может повлиять каким-либо образом на дальнейшие события. Например: *Калъм каь сур сёрте ёне мёкёрсен вут-каьвар пулать теьсё* ‘Если в полночь в *Калъм* замычит корова – к пожару’ [НА ЧГИГН I: 90: 142]. Подразумевается, что если даже человек услышал мычание коровы, он все равно не может что-нибудь предпринимать во избежание бедствия, ведь не станет же он посещать односельчан и предупреждать о последствиях звуков, издающих его скотиной.

Большинство поверий – это краткое изречение (мысль, идея) о том, что: 1) не следует так или иначе поступать, чтобы не сталкиваться в жизни с несчастьем, или же 2) необходимо поступать именно так, дабы в жизни все сложилось благополучно. Пример для первого случая: *Кёпене тунтер май тэхансан сын хёнет тет* ‘Надеть рубашку наизнанку – кто-нибудь изобьет’ [НА ЧГИГН I: 90–160]. Пример для второго случая: *Сякяр сямси сиекен пуян пулать теьсё* ‘Горбушку хлеба есть – богатым быть’ [НА ЧГИГН I: 650]. Часть поверий отличается недосказанностью: *Камакана хирёс ан карён* ‘Нельзя потягиваться возле печи’ [НА ЧГИГН I: 75: 167].

Все три поверья, безусловно, основаны на жизненном опыте, иначе их не использовали бы в обиходе, и когда-то они являлись средоточием, главной идеей более обширного сюжета. Если в первых двух случаях высказанная идея сразу же получает нужный ответ, то третий случай совершенно открыт для рассуждений: почему нельзя потягиваться? что из этого должно следовать? Приведенный нами третий пример – «нельзя потягиваться возле печи» – правильнее было бы отнести к *чару* ‘табу’, однако ввиду неразграниченности фольклорных жанров мы вполне имеем право рассматривать аналогичные *чару* как поверья. Тем более поверье и табу являются «братьями-близнецами». Кроме этого, ни один образец фольклора в принципе не является раз и навсегда закрепленным, как, например, правила орфографии. Любой текст, записанный собирателем, в обыденной жизни постоянно трансформируется. *Урана сулласа ларсан амйш вилет тет* ‘Если покачивать ногой – мать умрет’ [НА ЧГИГН III: 7: 94] – это поверье. «Не покачивай ногой» – это уже табу. К какому жанру отнести вариацию «что ты ногой покачиваешь, хочешь, чтобы мать умерла?»? Присутствие обоих жанров – поверья и табу – здесь неоспорима.

В советское время чувашские фольклористы в своих трудах напрочь игнорировали «суеверные приметы». Е.С. Сидорова объясняет это так: «И собиратели фольклора, и его исследователи (Н.И. Ашмарин и др.), хотя ими и собрано большое количество наблюдений и примет, не рассматривали их как отдельные жанры, одну часть из них, судя по внешней форме, причисляли к пословицам, а другие – к поверьям» [Сидорова 1978: 115]. Н.В. Никольский некоторые погодные приметы включал в ряд пословиц, например: *Сĕнĕ çул кунĕ уяр пулсан тырă аван пулать* ‘Если в Новый год днем ясно – хлеб будет хорош’; *Аслă çăварни кунĕ йшă пулсан тырă пулать* ‘Если в прощенное воскресенье будет тепло – хлеб уродится’ [Никольский 1921: 87].

Нужно согласиться с мнением Т.В. Зуевой о том, что в разграничении фольклорного материала по жанровому признаку «никакая “точность” и “однозначность” невозможна, так как границы жанров обычно расплывчаты и подвижны, фольклорный жанр имеет ядро и периферийную область, где происходит его взаимодействие с другими жанрами» [Зуева 1992: 24]. В.Г. Родионов пишет, что *сăнавсем* ‘приметы’, *ĕненĕсемпе тĕлĕксем* ‘поверья и сны’, *чарусем* ‘запреты, или табу’ являются отдельными формами прозаических текстов, однако исследователь жанрами их называет «с оговоркой, так как границы между этими формами словесного творчества и обрядами пока специалистами не установлены» [Родионов 1982: 102]. Он же отмечает: «Вопросы определения границ жанров в чувашской фольклористике до настоящего времени не были объектом специального исследования. Поэтому и неудивительно, что в данной области много еще терминологических путаниц и разночтений» [Родионов 2006: 4].

Русские понятия *поверье*, *примета*, *предрассудок* и *суеверие* в чувашском языке аккумулируются в одно общее, но емкое слово *тĕшмĕш (тĕшмĕшлĕх)* ‘суеверие’. Но данное понятие имеет настолько широкое применение в языке, что фольклористы вынуждены были найти особые термины для понятий *поверье* и *примета*, в итоге остановились на словах *ĕненĕ* ‘поверье’, *сăнав* ‘наблюдение’ и *паллă* ‘примета’. П.Н. Метин и А.И. Мефодьев *сăнавсемпе паллăсем* ‘наблюдения и приметы’ подразделяют на три группы: о погоде; о сельскохозяйственных работах; *тĕшмĕшле ĕненĕсемпе тĕлĕксем* ‘суеверные поверья и сны’ [Метин, Мефодьев 1997: 47]. Е.С. Сидорова пишет, что природные явления, приметы, основанные на наблюдениях за природными явлениями в науке (не только в чувашской. – А.Л.), принято считать *çанталăк сăнавĕсем* ‘наблюдениями над погодой’ или *çанталăк паллисем* ‘погодными приметами’, а ничем не связанные с реальной жизнью приметы – *тĕшмĕшле паллăсем* ‘суеверными приметами’ или *ĕненĕсем* ‘поверьями’ [Сидорова 1984: 11].

Первые публикации чувашских поверий и исследования о них

В статье В.П. Вишневого «О религиозных поверьях чуваш» понятие «поверье» подразумевает и религиозные обряды, и суеверия, и мифологические представления, а как отдельный жанр фольклора не обозначено. И, соответственно, образцы поверий специально не приведены, однако в контексте их локализовать несложно. Они представляют собой фрагменты существовавшего когда-то более объемного текста. Например, по выносу покойника из дома вслед за гробом бро-

сают раскаленный камень, дабы преградить ему путь к возврату; в кратком изречении это выглядит так: *Вилнӗ сын ан таврайнтӑр тесен тупӑк хысӑн чул ывӑтмалла* 'Чтобы покойник не возвращался, вслед за гробом нужно бросить камень'. Брошенные по дорогам деньги в дар Керемети «чувашенин ни за что не поднимет и не возьмет <...> взять их – значит своими руками принести в дом беду»; в кратком изречении: *Сул ӑине пӑрахнӑ укӑна илме юрамасть, илсен ӑемьере инкек пулать* 'Брошенные монеты нельзя поднимать – иначе в семье быть беде' [Вишневецкий 2004: 188–191].

В «Корневом чувашско-русском словаре» Н.И. Золотницкого поверья также приведены в контексте. Например, в рассказе о звездах: по поверьям чувашей, появление туманных звезд означает рождение людей, коим суждено провести жизнь в бедности или несчастно; светлые звезды обещают новорожденным богатство или счастье, а самые яркие – относятся к рождению царей, великих или необыкновенных людей [Золотницкий 2007: 199–200]. Несколько образцов поверий имеется в книге С.М. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки» [Михайлов 1853]. В сборнике «Тӑхӑрьял» («Девятиселье») поверья можно встретить в дисперсном виде, то есть они приводятся в разных текстах. Например: *Хӗвел ансан ӑынна япала парса ямаӑӑ* 'После захода солнца нельзя давать людям вещи', *Укӑине кӑлармаӑӑ* 'Деньги [из дома] не выносят', *Кивӑсен ӑӑкӑр памаӑӑ* 'В долг хлеб не дают – иначе счастье покинет' [Тимофеев 1972: 159]; *ӑӑварни кунӗ хӑй патне пыракан ӑынна минтер ӑине лартмалла, ахалӗн ӑӑхсем ӑӑмарта туммаӑӑ* 'В масленичный день пришедшего в дом человека нужно сажать на подушку, иначе куры не будут нести яйца' [Тимофеев 1972: 220].

Количество поверий (суеверных примет) в 17-томном «Чӑваш ӑамахӑсен кӑнеки» («Словаре чувашского языка») [Ашмарин 1928] никем не подсчитано, их там огромное количество, как и образцов других паремий, однако составитель словаря Н.И. Ашмарин в своих исследованиях о многочисленных жанрах устного народного творчества упускает приметы и поверья.

За обилие собранных образцов поверий в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), других архивах мы особенно должны быть благодарны Н.В. Никольскому. Он еще в 1904 г. опубликовал Программу для собирания сведений о чувашах [Никольский 1904: 63–72]. «Поверья о старых дуплах», «Каким деревьям, растениям приписывают таинственную силу», «Рассказы и суеверия», «Полезные и вредные животные», «Приметы при встрече с животными», «Обычай и приметы при рубке капусты», «Договоры: суеверия на этот счет», «Есть ли поверье, что ангел приносит младенческую душу и присутствует при рождении», «Веры в сны», «Чувашские похороны: приметы» – это только часть вопросов в Программе. Аналогичные вопросы и в «Программе для собирания сведения о чувашах» на чувашском языке [НА ЧГИГН I: 181: 73–95]. В программе «Чем заняться летом?» перечисляются почти все жанры паремий, в том числе поверья, суеверия, заговоры, наговоры, нашептывания [Никольский 1914]. Немало поверий (предсказаний, прорицаний) встречается у Д. Месароша. По его представлениям, рамки прорицания у чувашей намного уже, нежели у других народов, «они содержат предупреждения о судьбе дел и событий, находящихся далеко в пространстве и во времени, большая часть такого рода предсказаний относится к погоде, так как чуваша – земледельческий

народ, и интересуется их прежде всего именно она» [Месарош 2000: 301]. Д. Месарош не классифицировал суеверные изречения.

Между тем чувашские (да и все советские) фольклористы в своих трудах совершенно игнорировали суеверные приметы. В сборнике произведений народной словесности И. Тукташа поверья даже не упоминаются, исследователь во введении (довольно просторном по объему) в основном рассказывает о сказках и песнях [Тукташ 1949]. В изданной ЧНИИЯЛИ в 1949 г. программе для собирателей фольклора, кроме пословиц, другие паремии не обозначены [Фольклор 1949]. В программе, изданной в 1987 г., вновь появляются *паллӑсемпе ёненӑсем* 'приметы и поверья' [Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ 1987]. В работе «Чувашский фольклор» в главе о семейных обрядах М.Я. Сироткин вскользь упоминает заговоры, «порожденные старым бытом и окончательно вышедшие из употребления в советскую эпоху» [Сироткин 1965: 41]. Остальные жанры мифологической прозы не приводятся.

Попытки классификации поверий

Е.С. Сидорова утверждает, что термин *ёненӑсем* 'поверья' в литературе до сих пор не закрепился, ибо они «стали проникать в разговорную и письменную речь лишь в начале нашего (20-го. – А.Л.) века», в дореволюционных чувашских фольклорных рукописях термин «поверье» отсутствует, поверья включались в перечень «наблюдений» и «примет» [Сидорова 1978: 115]. Исследователь здесь ошибается. К систематизации чувашских поверий первым обратился В.К. Магницкий еще в 1888 г. «Нравы» и «обычаи» (по своей сути «малые жанры» устной словесности) чувашей Чебоксарского уезда он сгруппировал в семь «отделов». Под первым номером размещены поверья и обряды: приметы, гаданья, заговоры, способы лечения болезней и снотолкованья [Магницкий 1888: III]. В.К. Магницкий был знаком с известной в то время в научных кругах работой В.И. Даля, где известный русский собиратель впервые в русской фольклористике предпринял классификацию поверий [Даль 1992: 369–372]¹, однако предложенная им классификация на Василия Константиновича, по-видимому, впечатления не произвела. Собранные образцы В.К. Магницкий распределил в следующие группы: 1) *предвестия атмосферических явлений*, например: лето жаркое – зима будет

¹ Исследователь распределил поверья в шесть групп: поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч.; остатки или памятники язычества, все поверья русского баснословия; поверья третьего разряда основаны на деле, на опытах и замечаниях; четвертая группа включает поверья, основанные «на явлениях естественных, но обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям»; пятого разряда поверья «изображают дух времени, игру воображения, иносказания – словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие»; в шестой группе – небольшое число таких поверий, «в коих мы не можем добиться никакого смысла, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с тою только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими».

ненастная; 2) *урожай и бескормица, прибыль и убыль в имуществе и их предвестники*, например: появится в доме много черных тараканов – к богатству; 3) *беременность и роды*, например: сколько у женщины на грудях, вокруг сосков, шишечек, в виде бородавок, столько она родит детей; 4) *несчастья, болезни, смерть и их предвестники*, например: укусит мышь за ногу – не к добру; 5) *лекарственные травы, употребляемые чувашами дер. Масловой (Кивьял)*, например: *Ясар курăкĕ* ‘распутная трава’; 6) *брачные гадания и обряды*, например: во время венчания в церкви стоит покойник – новобрачные не будут жить хорошо; 7) *обыденные поверья и обряды*, например: съесть кусок [еды] другого человека – съедается сила того человека; 8) *сновидения и их значение*, например: если говорящего во сне взять за безымянный палец, то он расскажет всю правду [Магницкий 1988: 1–33].

Е.С. Сидорова утверждает, что некоторые суеверные приметы у чувашей связаны с понятиями «правый» и «левый», т. е. речь идет о бинарной оппозиции. Понятия со словом «правый» означают хорошее, полезное, нужное, толковое: *Сылтăм хăлха янрасан – ырма* ‘Когда в правом ухе шумит, это к добру’; «левый» всегда предполагает худшее, негодное, гнусное: *Сулахай хăлха янрасан – усала* ‘Когда в левом ухе шумит – это не к добру’ [Сидорова 1984: 13]. В.Г. Родионов и В.А. Ендеров чувашские паремии распределяют в две большие группы: *ваттисен сăмахĕсем* ‘пословицы и поговорки’ и *тупмалли юмахсем* ‘загадки’, а «разные наблюдения и приметы, поверья» в отдельную группу. Поверья разделяют еще на три части: *ĕненĕсем* ‘поверья’, *тĕлĕксем* ‘сны’, *чарусем* ‘табу’, и отмечают, что «есть повод», имея в виду различия и функциональные особенности, «исследовать их по отдельности». Авторы предлагают поверья классифицировать и по названиям объекта паремии, например, лошадь, лебедь, кошка, и по понятиям, например, правый-левый, верх-низ и т. д. [Родионов, Ендеров 2004: 119–120].

В.А. Ендеров поверья, в состав которых он включает еще сны и табу, классифицирует по их результатам и распределяет на девять групп:

1. Социально-бытовые поверья, связанные с социальной жизнью и бытом народа, где нашли отражение вопросы семейно-бытового характера, отношения между членами рода, семьи, общества, вопросы морали и социально-бытовых интересов, например: *Кушак питне сусан хăна килет теççĕ* ‘Если кошка моет лицо, то жди гостей’.

2. Поверья о погоде, например: *Хăлха шăтăкĕ кĕçĕтсен тăман пулат* ‘Если чешется ухо, то к ненастью’.

3. Об урожае, например: *Сĕнĕ сұл қаç киле пуян сын пырсан тырă лайăх пулат* ‘Если под Новый год в дом приходит богатый человек – это к хорошему урожаю’.

4. Мифологические поверья связаны в основном с языческой мифологией предков чувашей, анимистическими и тотемистическими представлениями, космогоническими и мифологическими понятиями, например: *Синçере çĕр чавсассăн аса çапать тет* ‘Если в [праздник] Синзя копать землю – молния ударит’.

5. Поверья о бедствии в основном связаны с представлениями, отражающими социально-политические, экономические, стихийные бедствия, которые могут принести всевозможные страдания, нужды, войны, пожары, например: *Ял урлă акăш қаçса кайсан вут тухать теççĕ* ‘Если над деревней лебедь пролетит – к пожару’.

6. К поверьям о животных относятся поверья типа, например: *Ёнене шайпәрпа сарсан ёне хёсёр юлать теçсё* ‘Если корову бить метлой, то корова остается яловой’.

7. Поверья о человеческой судьбе (жизни, смерти, болезнях), например: *Самса тәрри кёçётсен сын вилет теçсё* ‘Если чешется кончик носа – к смерти человека’.

8. Поверья-вести, или поверья-сообщения, связанные с человеческими органами и предметами домашнего обихода и хозяйства, например: *Халхасем кёçётни – хытара: сылтәмми кёçётсен – лайаха, сулахайи кёçётсен – начара* ‘Чешутся уши – к вестям: правое чешется – к хорошим вестям, левое чешется – к плохим вестям’.

9. Дидактические поверья, воспитывающие нравственные, эстетические, трудовые качества у молодежи, например: *Йётёрне сарсан халхасёр пулать тет* ‘Если бить скалкой – глухим станет’ [Ендеров 2004: 252–254].

Данная классификация нуждается в доработке, так как возникают закономерные вопросы в отношении некоторых поверий, которые остаются вне поля исследования, например, куда отнести тексты такого содержания: 1) *Ватәрах сын вәрман касма пуласан час ситёнет* ‘Если лес начинает рубить старый человек, то [лес] быстро растет’ [НА ЧГИГН I: 247: 173]; *Вәрманта сётсе сүренё чухне урари сәпәтасене улайтарса тәхәнсан сул тупатән теçсё* ‘Если в лесу заблудишься и поменяешь лапти, то найдешь дорогу’ [НА ЧГИГН I: 75: 184]; 2) самое главное – как распределить изречения внутри вышеуказанных групп? Кроме того, в названиях групп смущает явная искусственность, например, поверье о чешущемся носе из 7-й группы вполне можно включить в 8-ю группу.

К сожалению, в течение последних пятнадцати лет после публикации вышеуказанной статьи В.А. Ендерова в чувашской фольклористике нами не обнаружено каких-либо иных попыток систематизации поверий. Впервые образцы «суеверных» примет и поверий в наиболее полном объеме изданы в томе «Сăнавсемпе ёнену́сем. Тёлёксем» («Приметы и поверья. Сновидения») из серии «Чувашское народное творчество» [ЧХП 2009]. Здесь поверья размещены «по главным словам, а главные слова – в алфавитном порядке» [ЧХП 2009: 11]. В этом издании приводится алфавитное, то есть самое простое размещение образцов поверий.

Нами выделяются следующие принципы классификации: 1) алфавитный; 2) по объекту наблюдения (созерцания), или по опорным словам; 3) тематический.

При *алфавитной классификации* тексты размещаются в алфавитном порядке в зависимости от начальных букв первого слова. Главное достоинство данной системы – ее простота, однако при таком способе размещения варианты одного и того же образца, начинающиеся с разных букв, попадают в разные места. Для наглядности приведем примеры из книги «Сăнавсемпе ёнену́сем. Тёлёксем». Наблюдаемый объект – *пуç* ‘голова’: *Сёлёке савърса тәхәнсан пуç ыратакан пулать теçсё* ‘Если крутить шапку перед тем, как надеть, то потом голова будет болеть’ [ЧХП 2009: 137]; наблюдаемый объект – *сёлёк* ‘шапка’: текст тот же [ЧХП 2009: 171]. Наблюдаемый объект – *вильах* ‘животное’: *Вильахсене шайпәрпа тёкёме юрамасть – хёсёр пуласан* ‘Животное нельзя трогать метлой, иначе яловым станет’ [ЧХП 2009: 65]; наблюдаемый объект – *шайпәр* ‘метла’: текст тот же [ЧХП 2009: 261]. И таких повторов в указанном сборнике в избытке.

При систематизации по объекту наблюдения (созерцания), или по опорным словам определяется объект, затем изречения группируются в алфавитном порядке. Например, со *çăкăр* ‘хлеб’, который мы употребляем в пищу почти ежедневно, связано множество чувашских поверий: *Алак урлă çынна çăкăр намаççĕ – ху та сука юлма пултартăн* ‘Нельзя передавать хлеб через порог – сам можешь стать нищим’ [ЧХП 2009: 160]; *Çăкăр хытине сиекен кашкăртан хăрамасть теççĕ* ‘Кто корку хлеба ест, тот волка не боится’ [ЧХП 2009: 162]; *Çăкăр çинĕ чох поплясан хун йсне чăмласа ярать теççĕ* ‘Когда кушаешь хлеб, нельзя разговаривать, иначе ум свой прожуешь’ [ЧХП 2009: 162]. Каждое из этих изречений преследует какую-нибудь цель. Первое из них, кроме воспитательной цели (человека, пришедшего за хлебом, уважая, все же нужно пустить в дом), имеет и сакральное значение: в обрядовой практике дверь служит объектом и локусом магических действий (прежде всего защитных), направленных на обитателей дома и относящихся к важнейшим моментам семейной жизни (рождение, свадьба, смерть) и повседневному быту [Чувашская мифология 2018: 82]. Второй пример (корка хлеба и волк) настраивает на экономию и бережливость. Третий пример (разговор во время еды) носит исключительно дидактический характер. Какой из объектов, употребляемых в трех приведенных образцах, выделить в качестве главного объекта наблюдения (созерцания): дверь? хлеб? волк? ум? Это и есть основная задача классификатора.

При тематической классификации изречения распределяются по темам, т. е. по их содержанию. Такую систему использовал В.К. Магницкий, но в расширенном варианте. Например, у него тема «Урожай и бескормица, прибыль и убыль в имуществе и их предвестники» явно требует деления на подтемы: урожай, бескормица, убыль, имущество, так как каждая из этих подтем может вполне существовать самостоятельно. Тематическая классификация позволяет отвлечься от многих необязательных (чисто внешних) элементов изречения и обратить внимание на более существенные. Например: *Кăмакара çатма сурăлсан – ырма мар* ‘Если в печи сковорода треснет – не к добру’ [ЧХП 2009: 94]. Здесь главное слово, безусловно, «сковорода».

Однако и этот способ несовершенен, так как большинство изречений отличаются многотемностью, и поэтому не могут быть втиснуты в рамки одной узкой темы (ведь вышеприведенное изречение также можно включить и в раздел «Печь»). Кроме того, все предметно-тематические группы взаимно пересекаются и потому не могут дать однозначного решения. В самом деле, куда следует поместить поверье *Хĕлле çăлтăр ўксен çын вилет теççĕ* ‘Если зимой падает звезда – к смерти человека’ [НА ЧГИГН 1: 650], когда в сборнике предполагается иметь отдельные разделы о временах года, о космических объектах, о человеке и о смерти?

Как видим, сама разбивка на тематические группы весьма произвольна и субъективна, и каждым исследователем и составителем сборника решается по-своему. Г.Я. Пермяков категоричен: ни одна из существующих систем классификации изречений не может служить для создания объективной теории жанра [Пермяков 1988: 13]. Тем не менее тематическая классификация, на наш взгляд, является наиболее оптимальной, предметно определенной и четко обозначенной. Как нам представляется, названия разделов должны быть немногословными, короткими и емкими.

Нами выделяются следующие группы, аккумулирующие сферы (отрасли), явления, события, предметы и объекты, психическое состояние и т. д.:

1. *Вьльӕх-чӕрлӕх* ‘животные’, например: *Вӕкӕр тӕксен – чирлессе* ‘Если бык забодает – к смерти’ [НА ЧГИГН III: 2227: 36]; *Путек алӕ урати синче ыртсан сын килет тесӕ* ‘Если ягненок лежит на пороге двери – к приходу гостя’ [НА ЧГИГН I: 650];

2. *Ӕсме-ӕиме* ‘пища и напитки’, например: *Апат синӕ чух юрласан макӕрать тесӕ* ‘если при еде песню петь – к слезам’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Ӕу ӕисен час сухал тухать* ‘если масло есть, то борода быстро вырастет’ [НА ЧГИГН I: 102: 324];

3. *Кайӕк-кӕшӕк*, тискер кайӕксем, хурт-кӕпшанкӕ ‘птицы, звери, насекомые’, например: *Кил-ӕорт таврашне (кил хушшине) каюра ерсен тӕтӕм сӕнет тесӕ* ‘Если во дворе завелись кроты – дом вымрет’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Пӕрт пусне чӕкес йӕва ӕавӕрсан – пуясса* ‘Если ласточка привила гнездо на фронто́не дома – к богатству’ [НА ЧГИГН I: 326: 179]; *Пыйтӕллӕ сын укӕалӕ тесӕ* ‘Вшивый человек – при деньгах’ [НА ЧГИГН I: 90: 160];

4. *Кил-ӕурт*, *унта куллен тыткалакан япаласем*, *ӕс хатӕрӕсем* ‘дом и предметы домашнего обихода, орудия труда’, например: *Кӕнчалаӕси сине сӕсне сӕле ӕаксан хунамӕшӕ хаяр пулать тесӕ* ‘Если на прялицу кудель вешать высоко – свекровь злая будет’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Сӕмавар уласан ырдӕха мар тесӕ* ‘Если самовар гудит – не к добру’ [НА ЧГИГН III: 349: 159]; *Шыв кӕмелли кӕвенте хуӕӕлсан инкек пулать тесӕ* ‘Если сломается коромысло – к беде’ [НА ЧГИГН I: 650];

5. *Мифсенчи сӕнарсем*, *леш тӕнче* ‘мифические существа и потусторонний мир’, например: *Киремет чӕк туса хурсан сӕмӕр пулать тесӕ* ‘После жертвоприношения Киремети будет дождь’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Шыва кӕнӕ чух тавлашша кӕрсесӕн Шыври туртса кӕртсе вӕлерет тесӕ* ‘Если при купании спорят – Водяной затянет и убьет’ [НА ЧГИГН I: 75: 202];

6. *Социалӕ пулӕмсем* ‘социальные явления’, например: *Каишӕр нумаилансан ыслӕх сӕл пулать тесӕ* ‘Если волки размножатся – будет голодный год’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Пушар суннӕ чух кӕрлесен ӕав ялта тепӕр хут сунать* ‘Если при пожаре слышен гудящий звук (пламени), в этой деревне снова вспыхнет’ [НА ЧГИГН III: 7: 94];

7. *Султалӕк вӕхӕӕсем*, *уйӕх тата эрне кунӕсем* ‘времена года, дни месяца и недели’, например: *Кӕркунне ӕӕр сӕл урдӕ сурӕлсан халӕха пурӕнма йывӕр килет тесӕ* ‘Осенью если земля поперек дороги разверзнется – народу тяжело будет жить’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Пуш уйӕхӕн пӕрремӕш кунӕнче хӕвел пӕхсан вут-кӕвар пулать* ‘Если в первый день марта выглянет солнце – к пожару’ [НА ЧГИГН I: 90: 141]; *Тунти кун – йывӕр кун, ӕав кун сынна япала намаӕсӕ* ‘Понедельник – день тяжелый, в этот день не дают людям вещи’ [НА ЧГИГН I: 179: 268];

8. *Сун санталӕк пулӕмӕсем* ‘природные явления’, например: *Сарамат кӕперри сине пӕрнепе кӕтартсан усал ерет тесӕ* ‘Если указывать рукой на радугу – зло прилипнет’ [НА ЧГИГН I: 650];

9. *Тӕнче услӕхӕнчи япаласем* ‘космические объекты’, например: *Сӕнӕ уйӕха сӕлтӕм хул нуӕси урдӕ курсасӕн ырдӕ курасса тесӕ* ‘Если увидеть новую луну через правое плечо – к добру’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Хоел ылыса тӕрсан лайӕха мар тесӕ* ‘Если солнце переливается – не к добру’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Шурӕм*

пуç çăлтăр çётсен (курăнмасан) вăрçă тухать ‘Если исчезает утренняя звезда (Венера) – к войне’ [НА ЧГИГН I: 650];

10. *Тён: календарь уявёсем, ййла-йёрке, атрибутсем* ‘религия: календарные праздники и обряды, атрибуты’, например: *Кётесрен турăш укссесён семьере сын вилет теççё* ‘Если с (красного) угла падает икона – в семье человек умрет’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Минчет сурти нумай сунакан çенё сыннан ёмёрё вăрăм пулать тет* ‘Если венчальная свеча горит долго – у новобрачной век будет долог’ [НА ЧГИГН III: 961: 43 (об.)]; *Çимёк кун сывăрсан султалакёпех йывăр пулать* ‘Если спать в день Семика – весь год будет тяжелый’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Уна кёпçи Питравччен кассан мăнаçи çапать* ‘Если свербигу срезать до Петрова дня – молния ударит’ [НА ЧГИГН I: 179: 268];

11. *Тумтир, атă-пушмак* ‘одежда и обувь’, например: *Çăпата кантри алăкран хёсёне ларсан сын килет теççё* ‘Если оборки лаптей прижала дверь – к приходу гостя’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Сын япалине тăхăнмасçё – шăпуна улăштараса* ‘Чужую одежду не носят – к перемене судьбы’ [ЧХП 2009: 213];

12. *Ўсен-тăран, йёри-тавралях* ‘растения и окружающий мир’, например: *Улмуçси сулçи тăкăнмасан хёрарăмсене йывăрлях пулать* ‘Если яблоня не сбрасывает листву – женщинам тяжело будет’ [НА ЧГИГН I: 240: 7]; *Шыва хёвел ансан кёрсен путать теççё* ‘Если купаешься в воде после заката солнца – утонешь’ [НА ЧГИГН I: 650];

13. *Этем, унăн ўт-пу пайёсем, тăрăмё, кăмăл-туйăмё* ‘человек, части тела, состояния и чувства’, например: *Амăш кăкри кёçётсен ачи чирлет* ‘Если чешется грудь матери – ребенок заболит’ [НА ЧГИГН III: 960: 110]; *Аялти тута кёçётсен – кучченеç сиетён* ‘Если нижняя губа чешется – к гостинцу’ [НА ЧГИГН III: 643: 76]; *Бійхă килсен – хăна килесе* ‘Тянет ко сну – к приходу гостя’ [НА ЧГИГН I: 75: 199];

14. *Ял хуçалăх ёçёсем* ‘сельскохозяйственные работы’, например: *Акана тухиччен сёр сине патакпа çапмасçё, çапсан тырă сёрет* ‘До выхода на сев нельзя ударять палкой землю, если ударить, зерно сгниет’ [НА ЧГИГН III: 435: 159]; *Тырă акса пётерсен суç кассан тырă тикёс шăтмасть* ‘Если постричь волосы после сева, то посева взойдут неровно’ [НА ЧГИГН I: 650];

15. Особую группу составляют изречения с их истолкованием. В одних из них разъясняется, что нужно делать, чтобы устранить причину конкретного состояния. Например, простое поверье про злого духа *Ий(й)е*, входящее в 5-ю группу нашей классификации: *Ачана йăран сине вырттарсан ана Ийи тулать, ача пăсăлать, йёрет* ‘если ребенка класть на межу, полевое Ийе прожует, ребенок заболит, плачет’ [Ашмарин 1928: 235]. Здесь нам известно лишь о совершенном неким мифическим существом мистическом, то есть необъяснимом действии по отношению к ребенку. А в следующем поверье уже рассказывается об обряде изгнания зловредного существа: «Если грудной ребенок много плачет и часто болеет, о нем говорят: *Ийие сулăхнă* ‘Ийие пристал’. Чтобы примирить злого духа и вылечить ребенка, накачают пять или семь *çăмахов* ‘галушек’ (шариков из теста) и в сыром виде их выбрасывают через окно на улицу, говоря: *Ийие, ан сулăх, қаçар* ‘Ийие, не приставай к нему, прости!’ Эти *çăмахи* ‘галушки’ можно месить только из старой муки, то есть из такой муки, которой уже приносили жертву Богу. Муку из свежего зерна применять для этого нельзя» [Месарош

2000: 45–46]. Или следующий образец из этого же ряда, который собиратель назвал «Поверьем о пчелах»: «В отношении пчел есть у чуваш такое поверье. Чтобы осчастливить их (то есть пчел. – А.Л.) жизнь, нужно жить со всеми людьми дружно и мирно, в обществе никого не оскорблять и не обманывать. Если обидеть кого-то, то тот человек может проклинать, а от этого пчелы могут погибнуть <...> Когда начинаешь разделять рой, то все это время нужно быть осторожным, чтобы никто не видел, и чтобы никто не смотрел тайком через щели забора или плетня, иначе пчелы не будут спокойными и мед давать не будут. Перед началом работы с пчелами советуют быть чистым, не спать с женой» [ОРРК: 2376: 477]. Это тоже образец изречения-истолкования: объясняется, как нужно относиться к пчелам, а также к людям, чтобы среди них была бы гармония, а пчелы успешно приносили мед.

В других подобных поверьях присутствует прямая подсказка для предотвращения потенциальных нежелательных, главным образом, трагических явлений. Тому подтверждение следующее поверье с истолкованием: *Мункун кунё арча таврашине усса хупма юрамасть. Апла усса хупсан сил-тэйвэй сав сул сурт тёрринчи улём сивиттийёсене сирпётет. Сапла ан пултёр тесе Мункун кунё тэхэймалли кёпе-йёмсене малтанах арчаран илсе тухса хураççё* ‘В день Пасхи нельзя открывать-закрывать сундуки и тому подобное. Если открывать-закрывать, в тот год вихрь снесет соломенную крышу дома. Чтобы этого не случилось, белье, надеваемое в день Пасхи, нужно заранее доставать из сундука’ [НА ЧГИГН I: 215: 517].

Кроме как к поверьям, к другим фольклорным жанрам приведенные сюжеты отнести нельзя. Поэтому их можно назвать, по аналогии со сложными пословицами, *хутлэй ёнену* ‘сложными поверьями’, или же *ёнену-халап* ‘рассказами-поверьями’, или *сюжетлэй ёнену* ‘сюжетными поверьями’. На наш взгляд, более удачный вариант – рассказ-поверье.

Рассказы-поверья можно систематизировать и по темам, и по опорным словам. Второй вариант нам кажется более приемлемым, так как в рассказах-поверьях опорное слово всегда зримо, явственно, хорошо различимо. К примеру, в вышеприведенных образцах опорные слова: Ийе (злой дух), пчелы, Пасха.

Выводы

Таким образом, изученный материал позволяет сделать следующие выводы:

1) благодаря собирателям фольклорных произведений накоплено множество образцов *ёнену* ‘поверий’, и в многочисленном строю чувашских паремий пове-рья занимают особое, только им положенное место;

2) в советский период поверья, ввиду «идеологической чуждости», оказались в «опале»: их не включали в сборники произведений устного народного творчества, они считались недостойными, неприемлемыми для научных исследований;

3) к проблеме классификации жанра поверий исследователи начали обращаться в середине 80-х гг. прошлого века, однако в начале этого века изыскания в этой сфере вновь были прекращены;

4) автором предложена оригинальная (не подражательная и не заимствованная) схема классификации чувашских поверий, в которой впервые в чувашской

фольклористике среди образцов поверий в отдельный раздел выделены рассказы-поверья;

5) проблема классификации жанра поверий ждет своего усидчивого (так как во многих случаях поверья нужно искать среди пословиц, примет, наблюдений, предсказаний, прорицаний, табу и пр.), беспристрастного (поскольку поверья многими считаются обыкновенными предрассудками) и квалифицированного (иногда трудно отличить простую примету от поверий) исследователя.

Литература

- Вишневецкий 2004 – *Вишневецкий В.П.* О религиозных поверьях у чуваш // Вишневецкий В. Письменная культура раннего просветительства. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – С. 188–191. {*V.P. Vishnevskiy.* About the religious beliefs of the Chuvash people // V. Vishnevskiy. The Written Culture of the Early Enlightenment. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2004. – PP. 188–191.}
- Даль 1992 – *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – Екатеринбург, 1992. – С. 369–372. {*V.I. Dahl.* About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people. – Yekaterinburg, 1992. – PP. 369–372.}
- Ендеров 2004 – *Ендеров В.А.* О проблемах классификации чувашских паремий // Ашмаринские чтения: материалы межрегиональной научной конференции. – Чебоксары, 2004. – С. 252–254. {*V.A. Yenderov.* On the problems of classification of Chuvash paremias // Ashmarin Readings: Proceedings of the Interregional Scientific Conference. – Cheboksary, 2004. – PP. 252–254.}
- Золотницкий 2007 – *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь // Избранные труды. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 527 с. {*N. Zolotnitsky.* Stem Chuvash-Russian dictionary // Selected Works. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2007. – 527 p.}
- Зуева 1992 – *Зуева Т.И.* О жанровом выделении волшебных сказок в восточнославянском повествовательном фольклоре // Сказки и несказочная проза: межвузовский сборник научных трудов. – М., 1992. – С. 24–51. {*T.I. Zuyeva.* On the genre allocation of fairy tales in East Slavic narrative folklore // Fairy Tales and Non-Fairy Prose: Intercollegiate Collection of Scientific Works. – Moscow, 1992. – PP. 24–51.}
- Магницкий 1888 – *Магницкий В.К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник. – Казань: Тип. Губ. правл, 1888. – С. 1–33. {*V.K. Magnitsky.* Mores and customs in the Cheboksary County. An ethnographic collection. – Kazan: Printing House of the Provincial Government, 1888. – PP. 1–33.}
- Месарош 2000 – *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с. {*D. Mesarosh/Gy. Mészáros.* Monuments of the Chuvash faith. – Cheboksary: ChSIHS (Chuvash State Institute for Humanity Studies), 2000. – PP. 45–46.}
- Михайлов 1853 – *Михайлов С.М. (Михайловъ Спиридонъ)* Чувашские разговоры и сказки. (Чувашские разговоры и сказки). – Казань: Унив. тип., 1853. – 62 с. {*S.M. Mikhaylov.* Chuvash conversations and fairy tales. – Kazan: University Press, 1853. – 62 p.}
- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 75; 184; 199; 202; Ед. хр. 90; 141; Ед. хр. 102; Ед. хр. 179; Ед. хр. 181; Ед. хр. 215; Ед. хр. 247; Ед. хр. 326; Ед. хр. 650; – Отд. III. Ед. хр. 7; Ед. хр. 435; Ед. хр. 643; Ед. хр. 960; Ед. хр. 961; Ед. хр. 2227. {Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing unite 75; 184; 199; 202; Storing unite 90; 141; Storing unite 102; Storing unite 179; Storing unite 181; Storing unite 215; Storing unite 247; Storing unite 326; Storing unite 650; – Archive III. Storing unite 7; Storing unite 435; Storing unite 643; Storing unite 960; Storing unite 961; Storing unite 2227.}
- Никольский 1904 – *Никольский Н.В.* Программа для собирания сведений о чувашах // Известия по Казанской епархии. – № 3. – Казань, 1904. – С. 63–72. {*N.V. Nikolsky.* A program for the gathering of information on Chuvash people // News of the Kazan Diocese. – No. 3. – Kazan, 1904. – PP. 63–72.}

- Никольский 1914 – *Никольский Н.В.* Программа для соби́рания этнографических сведений студентами и учащимися в каникулярное время. – Казань, 1914. {*N.V. Nikolsky.* A program for collecting ethnographic information by students during vacation time. – Kazan, 1914.}
- Никольский 1921 – *Никольский Н.В.* Творчество чуваш // ИОАИЭ. – Т. XXXI. – Вып. 1. – Казань, 1921. {*N.V. Nikolsky.* Creativity of the Chuvash people // IOAIE (the Bulletin of Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University). – Vol. XXXI. – Issue 1. – Kazan, 1921.}
- ОРПК – Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Лобачевского Казанского федерального университета. Ед. хр. 2376. {Department of Rare Manuscripts and Books of the Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University. Storing unite: 2376.}
- Пермяков 1988 – *Пермяков В.Л.* Основы структурной паремологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с. {*V.L. Permyakov.* The basics of structural paremiology. – Moscow: Nauka, 1988. – 236 p.}
- Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Фольклор и действительность: избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – С. 34–46. {*V.Ya. Propp.* Principles of classification of folklore genres // Folklore and Reality: Selected Articles. – Moscow: Nauka, 1976. – PP. 34–46.}
- Родионов 1982 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. – С. 150–170. {*V.G. Rodionov.* Questions of genre classification of Chuvash folklore // Chuvash Folklore. The Specificity of the Genres. – Cheboksary: ChRILLHE (Chuvash Research Institute of Language, Literature, History, and Economy), 1982. – PP. 150–170.}
- Родионов 2006 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Этнос. Культура. Слово. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – С. 3–53. {*V.G. Rodionov.* Questions of genre classification of Chuvash folklore // Ethnos. Culture. Word. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2006. – PP. 3–53.}
- Сироткин 1965 – *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. – 132 с. {*M.Ya. Sirotkin.* Chuvash folklore. – Cheboksary: Chuvashknigoizdat, 1965. – 132 p.}
- Чувашская мифология 2018 – Чувашская мифология. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 581 с. {Chuvash mythology. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2018. – 581 p.}
- Ашмарин 1928 – *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. I. – Хусан: Тип. «Красный печатник», 1928. – 335 с. [*Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. I. – Казань: Тип. «Красный печатник», 1928. – 335 с.] {*N.I. Ashmarin.* Dictionary of the Chuvash language. Issue I. – Kazan: “Krasnyu Pechatnik” Printing House, 1928. – 335 p.} (In Chuvash.)
- Ашмарин, ЧСК, 1928–1950 – *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки [Словарь чувашского языка]. – Вып. I–XVII. – Казань–Чебоксары, 1928–1950. {*N.I. Ashmarin.* Čăvaš sămahĕsen kĕneki (A Dictionary of the Chuvash language). – Issue I–VII. – Kazan–Cheboksary, 1928–1950.} (In Chuvash.)
- Метин, Мефодьев 1997 – *Метин П.Н., Мефодьев А.И.* Литературапа халăх сăмахлăхĕн аявлăвĕсем. – Шупашкар, 1997. – 80 с. [*Метин П.Н., Мефодьев А.И.* Школьный словарь терминов литературоведения и фольклористики. – Чебоксары, 1997. – 80 с.] {*P.N. Metin, A.I. Mefodiyev.* A school dictionary of terms of literary and folklore studies. – Cheboksary, 1997. – 80 p.} (In Chuvash.)
- Родионов, Ендеров 2004 – *Родионов В.Г., Ендеров В.А.* Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Лекцисен курсĕ. – Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2004. – 293 с. [*Родионов В.Г., Ендеров В.А.* Чувашское народное творчество. Курс лекций. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 293 с.] {*V.G. Rodionov, V.A. Yenderov.* Chuvash folk art. A course of lectures. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2004. – 293 p.} (In Chuvash.)
- Сидорова 1978 – *Сидорова Е.С.* Сăнавсемпе палăсем, тĕшмĕшсем // Чăваш литературоведенийĕн ыйтăвĕсем. Тĕпчев ĕçĕсем. 82-мĕш кăларăм. – Шупашкар: ЧЛИЭНТИ [Чĕлхе, литература, истори, (тата) экономика наука тĕпчев институтĕ], 1978. – С. 115–124. [*Сидорова Е.С.* Наблюдения, приметы, суеверия // Вопросы чувашского литературоведения. Ученые записки. – Вып. 82. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ [Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, (и) экономики], 1978. – С. 115–124.] {*Ye.S. Sidorova.* Observations, omens, superstitions // Questions of Chuvash Literary Criticism. Scientific Notes. – Issue 82. – Cheboksary: ChRILLHE (Chuvash Research Institute of Language, Literature, History, and Economy), 1978. – PP. 115–124.} (In Chuvash.)
- Сидорова 1984 – *Сидорова Е.С.* Ваттисен сăмахĕсемпе каларăшсем, сăнавсемпе палăсем, тупмалли юмахсем // Чăваш халăх сăмахлăхĕ. V том. Вак жанрсем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издатель-

- стви, 1984. – С. 5–21. [*Сидорова Е.С.* Пословицы, поговорки, наблюдения, приметы, загадки // Чувашское устное народное творчество. – Том V. – Малые жанры. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – С. 5–21.] {*Ye.S. Sidorova.* Proverbs, sayings, observations, omens, riddles // Chuvash Oral Folk Art. – Volume V. – Small Genres. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1984. – PP. 5–21.} (In Chuvash.)
- Тимофеев 1972 – *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1972. – 431 с. [*Тимофеев Г.Т.* Девятиселье. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 431 с.] {*G.T. Timofeyev.* Nine villages. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1972. – 431 p.} (In Chuvash.)
- Тукташ 1949 – *Тукташ И.* Чăваш фольклорĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1949. – С. 328. [*Тукташ И.* Чувашский фольклор. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1949. – 328 с.] {*I. Tuktaš / I. Tuktaš.* Chuvash folklore. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1949. – 328 p.} (In Chuvash.)
- Фольклор 1949 – Фольклор пухакансен мĕн пĕлмелле. Халăх пултарулахне пухмалли йĕрке. – Чебоксары, 1949. [Что должны знать собиратели фольклора. Программа для собирания народного творчества. – Чебоксары, 1949.] {What do collectors of folklore need to know. Rules of folklore collecting. – Cheboksary, 1949.} (In Chuvash.)
- Чăваш халăх сăмахлăхĕ 1987 – Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Программа. – Шупашкар, 1987. [Чувашское народное творчество. Программа. – Чебоксары, 1987.] {Chuvash folk art. A program. – Cheboksary, 1987.} (In Chuvash.)
- ЧХП 2009 – Чăваш халăх пултарулахĕ. Сăнавсемпе ёненĕсем. Тĕлĕксем / *Е.В. Федотова* пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2009. – 383 с. [Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения / Сост.: *Е.В. Федотова.* – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 383 с.] {Chuvash folk art. Omens and beliefs. Dreams / Comp. by *Ye.V. Fedotova.* – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2009. – 383 p.} (In Chuvash.)